

Варвара Жданова

В облике зверя

О метафористике превращений в стилизации Л.Н. Толстого «Вольга-богатырь»

Понимал Вольга все мудрости:

Обучился первой мудрости –

Оборачиваться птицею;

Обучился другой мудрости –

Оборачиваться рыбою;

Обучился третьей мудрости –

Серым волком ся обертывать.

Кажется, серый волк – опорный образ в превращениях богатыря Вольги Буслаевича.

Остальные ипостаси его превращений – в большей или меньшей степени символизируют хитрость и коварство в борьбе с врагом. Так, обращаясь в горностаю, Вольга приводит в непригодность оружие противника.

Горностаем ся обертывал,

В погреба бежал глубокие, -

Он тетивочки шелковые

На луках тугих накусывал,

С каленых-от стрел железочки

Он повынимал – закапывал...

Оборачиваясь в муравья («мураша»), он коварно проникает в стан противника.

В стилизации «Вольга-богатырь» рассказывается об успешной борьбе Вольги с турецким царем Салтаном Бекетовичем и предотвращении попытки интервенции. Вольга-богатырь – герой, со своей дружиной, выполняет государственную задачу. Поэтому его превращения – не от своеволия. Его

победа над врагом – государственная необходимость. Он должен уметь тайно проникнуть на чужую территорию, увидеть и услышать то, что противник желал бы сохранить в тайне. Но главное, он должен бороться и победить. И вот серый волк – это образ его борьбы.

В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит...

Пишет А.С. Пушкин в своем «Лукоморье» - стилизации сказок, фольклора.

Здесь волк тоже исполняет службу, а не просто пугает, кого хочет, по своему усмотрению.

В одной русской народной балладе читаем о превращениях сестер, отыскивающих брата. Ситуация не совсем обычная, т. к. обычно инициатива поиска исходит от воинственных витязей.

Как большая сестра – в море щукою,
Как средняя сестра – в поле соколом,
Как меньшая сестра – в небо звездою.

(Сестры находят уехавшего брата убитым //Эолова арфа: Антология баллады. М., 1989. С. 198.)

Здесь еще хотелось бы заметить, как часто в русском народном фольклоре женщина отождествляется с деревом (березой и др.). Грусть, тоска, одиночество, невозможность изменить свою жизнь.

Вместе с тем, в русском и мировом фольклоре (если вспомнить английские баллады о Робин Гуде) отдельно существует образ дуба – как живого, осмысленного существа, концентрирующего в себе мыслительную энергию леса.

В былинной стилизации Л.Н. Толстого «Сухман» дуб обращается в дубину витязя.

Подъезжал Сухман ко сыру дубу,
Ко сыру дубу, кряковистому,
Дуб с корнями выворачивал,
А с комля дуба белый сок бежал;

Ту дубиночку за вершину брал

И пустил коня на татаровей.

Излюбленный мотив сказки – как молодца-жениха, принявшего образ зверя, чудная девица расколдовала своей любовью.

Этот мотив используется Пушкиным в сне Татьяны. Татьяна воображает медведя, думая об Онегине.

Онегин, действительно, в целях самозащиты отрешается от человечности. Ленский вызывает его на дуэль.

Он мог бы чувства обнаружить,

А не щетиниться, как зверь...

Возможно ли расколдовать героя, возможно ли обратное превращение?

В немецкой сказке «Беляночка и Розочка» - медведь и «два цветка».

Заколдованный принц и две сестрицы. Принц сбрасывает медвежье обличье и женится на одной из сестер.

В известнейшей сказке «Аленький цветочек» - чудовище и «цветок» (любящая скромная девица). Чудовище принимает благопристойный, привлекательный облик.

Хотелось бы отметить общие корни метафористики превращений в мировом фольклоре. В книгах классической философии Древнего Китая:

«Ястреб парит в небе,

Рыба скрывается в глубинах вод.

Это означает, что /путь благородного мужа/ существует повсюду».

(Древнекитайская философия. Собр. текстов в 2 т. Т. 2. М., 1972. С. 121)

Образ воина в мировом фольклоре. Свершение и победа. Каков он в глазах врага? Он – страшен, он – дикий зверь: волк, медведь, леопард...

Думается, что таким образом в фольклорной практике происходило освоение с помощью поэтической метафоры процессов психологии.

Как представляется, у человека, вынужденного ситуацией к применению жестких методов психологической защиты, вырабатывается своеобразная

модель поведения. Заявляет о себе военизированная «служба сношений с внешним миром».

У кого-то есть такой «волк», в которого можно обратиться и вести нападение в крайней ситуации. Кто-то в подобной крайней ситуации превращается в медведя (как, скажем, Пьер Безухов - в крайнем гневе). У кого-то есть дикий зверь из семейства кошачьих. Если такого человека не выводить из себя, он мирно мурлычет, но лучше не дразнить его. Такой тип личности (старый князь-аристократ) показан в фильме Л. Висконти «Леопард». Наверно, есть и другие звери, исполняющие роль «службы сношений с врагом». Может быть – дикий кабан и др.

Продолжая полуфантастические рассуждения, можно добавить, что вид зверя зависит от самоощущения человека. Если человек с радостью думает о будущем, предчувствует хорошее время, его зверь становится толстым и не очень злым, его трудно сдвинуть с места. Если человек грызет себя понапрасну и не видит просвета в судьбе, зверь худеет и дополнительно озлобляется.

И никакая это не дьявольская сила.

«Учитель сказал: «Феникс не прилетает, лошадь-дракон с рисунком на спине из реки не появляется, боюсь, что все окончено».

В китайской классической книге «Лунь юй» («Беседы и высказывания») переданы взгляды Конфуция.

Феникс и лошадь-дракон – мифические существа. Птица и животное, живущее в воде, с таинственным рисунком на спине. Их появление означало благополучие и благоприличие в государстве. Если эти существа не появлялись, это означало, что страной управляет человек, недостойный власти. (Древнекитайская философия. Указ. изд. Т. 1. С. 157, 317)

Единорог – еще одно мифическое животное, почитаемое в Древнем Китае. Единорог – кроток, он появляется, если правление гуманно. «Ли цзи» - книга конфуцианского канона:

«Кого называют четырьмя божественными? Ими называют единорога, феникса, /священную/ черепаху и дракона. Если приручают дракона, то рыбы

не уплывают прочь; если приручают феникса, то птицы не улетают; если приручают единорога, то звери не разбегаются, если же приручают /священную/ черепаху, то не растрачиваются человеческие чувства».

(Древнекитайская философия. Указ. изд. Т. 2. С. 107, 99, 346)

